

Исторический вестник. 2022. Т. XLII

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.42.008

А.Ф. Кацис

К ПРОБЛЕМЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СТРУКТУРЫ КОНТАКТОВ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ОТ РУБЕЖА ВЕКОВ ДО 1930-х гг.

(печатается по рукописи)

радиционная историческая наука, включая и работы самых последних лет, чаще всего сосредоточена на конкретных событиях либо фигурах, занимающих в данный момент автора соответствующей работы. При этом обычно совершенно спокойно выбрасываются из исторических исследований события и контакты, которые на фоне обширных, порой многотомных исследований кажутся случайными и малозначимыми. Между тем достаточно изменить исследовательскую оптику и сосредоточиться на поиске кажущихся случайными или второстепенными связей и встреч тех или иных лиц во время тех или иных событий, как ситуация может радикально измениться. И здесь особую роль может сыграть сочетание самых разных исследовательских методов и подходов.

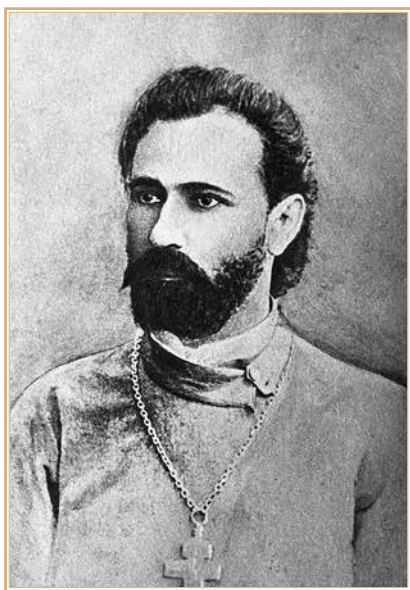
Прежде всего, это, разумеется, документированные сведения о реальных встречах тех или иных лиц. О них мы узнаем из материалов Особого отдела Департамента полиции, из публикаций архивных материалов, из позднейших мемуаров. В результате тайное становится явным. Способствует этому и открытие секретных архивов. Есть в нашем распоряжении и такая область источников, как повременная печать, хро-

Пинхас Рутенберг

никальные сообщения, полемика, публицистические баталии под собственными именами и псевдонимами. В предлагаемой работе, используя все названные источники, мы попытаемся показать, каким образом случайные факты складываются постепенно в достаточно ясную картину, объясняя странные на первый взгляд сближения. Поэтому, закрывая архивные лакуны, дополняя сведения из одних источников другими и т.д., мы попробуем восстановить картину связей части русских революционеров между собой. Тех революционеров, что были знакомы друг с другом, упоминали друг друга в разного рода документах и текстах, а также, наоборот, не всегда стремились делать это открыто, оставляя краткие следы общения там, куда не должна была заглянуть никакая опасная для них фигура или структура.

Предлагаемое исследование поможет постепенно, шаг за шагом обнаруживать между нашими героями разорванные или забытые связи, которые и позволят говорить о некоей сетевой коммуникации, соединявшей порой очень разных людей. Причем начнем мы с некоторых странных сообщений, которые уверенно свидетельствуют о том, что интересующие нас фигуры либо между собою не общались, либо познакомились много позже интересующих нас событий. Вспомним «знаменитого» террориста Пинхаса Рутенберга, известного и участием в январской демонстрации 09.01.1905 г., и спасением о. Г. Гапона, и его последующей казнью. В объемной и очень подробно документированной книге В.И. Хазана о нем сказано: «...личность Рутенберга, до сегодняшнего дня

Георгий Гапон

привлекающая к себе законное внимание, из живой исторической фигуры редуцируется порой, — то ли в погоне за сенсацией, то ли в самом деле из-за нехватки информации, — до неких тенденциозных головных построений. Так, один из ключевых и вполне, вроде бы, вещественных фактов его биографии — организация убийства Георгия Аполлоновича Гапона как провокатора и агента полицейской охраны — истолковывается ни больше ни меньше как исследовательская версия. Сравним: “По утверждению ряда исследователей, Рутенберг, узнав в 1906 г. о связи Гапона с полицией, принял участие в его казни”¹.

Можно понять израильского автора, который в биографии Жаботинского, касаясь того же предмета — убийства Рутенбергом Гапона, — пишет об этом не как об установленном факте, а как о бытующем мнении: «Рутенберг принимал активное участие в революционном движении в России во время революции 1905 г. И все считали, что он был связан с убийством о. Гапона, царистского агента-провокатора [Rutenberg had been active in the Russian Social Revolutionary movement in 1905 Revolution. And it was commonly believed that he had been involved in the killing of father Gapon, a Czarist agent de provocateur]» (Katz, 1996: 161). Но здесь речь идет как бы от лица Жаботинского, который, не будучи знаком с Рутенбергом лично и никогда до этого с ним не встречаясь

¹ Савинков, 2006: 586; примечание принадлежит составителю книги В.Г. Черкасову-Георгиевскому.

Владимир Жаботинский

(далее у автора как раз описывается их первая встреча в Бриндизи в апреле 1915 г. <...>), в отличие от современного ученого, мог и в самом деле питаться одной народной молвой»². В первой цитате В.И. Хазан упоминает рядом с Рутенбергом имя Бориса Савинкова, ссылаясь на которого и делался критикуемый вывод о лишь вероятности участия Рутенберга в убийстве Гапона. Однако в новейшей книге о Савинкове Пинхас Рутенберг мелькает только как участник совместной с Савинковым пропыхановской группы «Социалист»³. Что же касается убийства Гапона, то ни Рутенберг, ни Савинков здесь автора не заинтересовали, равно как не существовало для него и связи между этими именами и событиями. Между тем при чтении указателя на фамилию Гапон находим, разумеется, имя А.А. Дикгофа-Деренталя, мужа возлюбленной Савинкова, который, по разным сведениям, был то ли свидетелем, то ли участником убийства Гапона. Причем второе куда более вероятно⁴.

В книге Хазана о Рутенберге приводится достаточно представительный объем материалов о взаимоотношениях Максима Горького и Гапона, которые теперь дополнены громадным материалом из книги «Летопись жизни и творчества М. Горького в Италии: Капри». К ее материалам

² Хазан В. Пинхас Рутенберг. От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю. В 2 т. Т. 1. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. С. 910.

³ Морозов К. Борис Савинков: опыт научной биографии. М.; СПб.: Нестор, 2022. С. 83.

⁴ Ср.: Хазан В. Цит. соч. С. 131.

Борис Савинков

мы еще обратимся⁵. А пока продолжим изучать ситуацию вокруг Рутенберга и убийства Гапона. Хазан продолжает свои разыскания, ссылаясь на сей раз на важных мемуаристов, включая и самого Савинкова, о том, что «противоречивая личность Гапона отразилась, например, в том, с какой разительной степенью несходства воспринимали его современники. Так, по мнению Савинкова, который сам считался хорошим оратором⁶, у Гапона “... был живой, быстрый, находчивый ум; прокламации, им написанные, при некоторой их грубости, показывали самобытность и силу стиля; наконец, и это самое главное, у него было большое, природное, бьющее в глаза ораторское дарование”⁷.

Примерно то же пишет и С.Д. Мстиславский — человек образованный, библиотекарь Академии Генерального штаба...»⁸. В противоположность этому «близко знакомый с Гапоном и наблюдавший за ним С. Ан-ский его ораторские способности оценивал прямо противоположным образом: “Гапон не только не обладал ораторским талантом, но прямо-таки не умел ‘двух слов связать’...” (С.А. <Ан-ский>, 1909: 192)»⁹.

В книге К. Морозова имени Ан-ского, равно как и Мстиславского, нет. Не заинтересовали его особенно ни Гапон, ни Рутенберг. Для нас же

⁵ Летопись жизни и творчества М. Горького в Италии: Капри (по материалам архива А.М. Горького). М.: ИМЛИ РАН; Лексрус, 2022.

⁶ Фигнер, 1932, III: 174.

⁷ Хазан В. Цит. соч. С. 111–112.

⁸ Там же. С. 186.

⁹ Там же. С. 187.

важно, что мемуарам Ан-ского (что подписанным «С.А.», что «Ан-ский», что по-русски, что на идише) доверять невозможно. Интересно, что в переводе на идиш давние и достаточно пустые мемуары Ан-ского появились в том же самом 1920 г., что и более чем странные и предельно недостоверные мемуары автора «Дибук» о тибетском ламе Агване Доржиеве, знаменитом своими контактами с высшими кругами — от Николая II до советских вождей¹⁰. Изучение мемуаров Ан-ского (которого не упомянул в связи с ораторскими способностями Гапона и Савинков) показывает, что доверять им нельзя, в том числе и в части многолетних контактов с заграничным кругом Петра Лаврова, чьим секретарем он был с начала 1890-х гг.

Однако это не повод поступать так, как поступила автор книги о нем, профессор Стэнфордского университета Габриэла Сафран. Она, элементарно не зная ни русскую, ни русско-еврейскую печать, утверждала, что Ан-ский и Жаботинский познакомились только в 1915 г., когда Ан-ский, потрясенный погромами начала Первой мировой войны, примкнул к идее Жаботинского о еврейском Легионе. При этом, если в случае Ан-ского требовалось лишь знание русско-еврейских журналов «Восход» и «Рассвет» и соответствующего тома Полного собрания сочинений В.Е. Жаботинского, имеющего именной указатель¹¹, то в случае с Жаботинским, Рутенбергом и Савинковым все куда сложнее.

До последнего времени их знакомства и связи наружу не выходили. Так, даже в подготовленном нами¹² (при всех его недостатках, связанных с вненаучными обстоятельствами¹³) наиболее полном издании мемуаров Жаботинского, посвященных его русским годам, *отсутствуют* имена

¹⁰ Кацис Л. Из материалов к биографии и творчеству Семена Ан-ского: 1. Очерк об Агване Доржиеве как исторический и историографический источник биографий Ан-ского и Доржиева // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. XXXII. М.: Модест Колеров, 2022. С. 544–592.

¹¹ Мы показали это в: Кацис Л. «Дибук» Семена Ан-ского между Stanford University, Ca, USA и «Петербургской иудаикой» (ЕУ СПб.): анализ политики научного сотрудничества и социальной практики перевода американской научной продукции // Русский сборник: Исследования по истории России: архивные находки и источниковедение. Т. XXX. М.: Модест Колеров, 2021. С. 767–828.

¹² Vladimir Jabotinsky's Story of My Life Kindle Edition / Ed. by B. Horowitz, L. Katsis. Detroit: Wane State University Press, 2016.

¹³ О текстологических проблемах этого издания, связанных с деятельностью издательства и со-составителя проф. Б. Хоровица, уводящих его далеко от научных норм и противоречащих именно нашим исследованиям, см.: Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского: атрибуция, библиография, автобиография. М.: РГГУ, 2019. С. 140–141.

и Рутенберга, и Савинкова, и Ан-ского. При этом в «Слове о полку», т.е. в истории Еврейского легиона, имя убийцы Гапона есть¹⁴. Однако в таком контексте, который исключает все сомнения в возможности их знакомства. И не будем забывать, что «Слово о полку» печаталось в боевых сионистских газетах на иврите и идише (частично — в журналах по-русски) в середине 1920-х гг., вплоть до книжного издания по-русски в 1928 г. И здесь революционная деятельность Рутенберга в 1905–1906 гг. ничего читателям не давала. А в «Повести моих дней», вышедшей впервые на иврите в 1936 г., это уже было и не нужно. Кто же читал по-русски, тот знал. При этом цели вождя правого ревизионистского сионизма были уже совсем другими. Отдельный вопрос — это проблема единства обеих

¹⁴ Вот это место по-русски из «Повести о полку»: «Утром, вернувшись в Александрию, я застал телеграмму из Генуи. Подпись была: “Рутенберг”. Он спрашивал, могу ли я с ним повидаться и где. Его имя и биографию я, конечно, знал: ни разу с ним еще не виделся, но в Риме, еще до моего отъезда в Египет, мне сказал однажды А.В. Амфитеатров:

— Угадайте, кто теперь сильно заинтересовался сионизмом? Петр Моисеевич Рутенберг. Он говорит, что вмешательство Турции в войну открывает перед евреями блестящие возможности, — и, по-моему, он теперь носится с важными планами. У него тут, кстати, большие связи в правительственных кругах и во Франции тоже.

Прочитав телеграмму, я сейчас же разыскал Трумпельдора и заявил ему:

— Иосиф Владимирович, я уезжаю. Если генерал Максвель переменит свое решение и согласится учредить настоящий боевой полк, я приеду; если нет, поищу других генералов.

В средних числах апреля, в Бриндизи, я встретился с Рутенбергом — и там же застал телеграмму от Трумпельдора: “Предложение Максвеля принято”.

И чуть ниже: «Рутенберга я застал в Бриндизи в маленьком отеле недалеко от гавани. Виделись мы в первый раз. Высокий, широкоплечий, плотно скроенный человек. В каждом движении и в каждом слове — отпечаток большой и утруемой воли; я подозреваю, что он это знает и не любит забывать, и тщательно следит, чтобы и другие об этом ни на минуту не забыли. Кто знает — может быть, так и надо. В сущности, общественный деятель всегда находится на сцене, и вряд ли ему полагается выступать без грима; я говорю, конечно, не о ложном гриме, а о том, какой действительно соответствует подлинной природе данного работника политической сцены. Но никакой грим не может скрыть того факта, что у человека добродушные глаза и совсем детская улыбка. Я понимаю, почему его служащие и рабочие в Палестине повинуются Рутенбергу, как самодержцу, и любят его как родного.

Десятиминутной беседы оказалось достаточно, чтобы сговориться о главном. Хотя мы и никогда не переписывались, тут обнаружилось, что думали мы одну и ту же думу. И больше того: хотя в печати тогда еще не было ни одного слова ни о легионе вообще, ни об александрийских добровольцах, он почему-то знал, наверное, что я работаю для этой цели; и я, хоть А.В. Амфитеатров в Риме не умел мне объяснить, в чем заключались планы Рутенберга, тоже сразу понял из его короткой телеграммы, зачем ему нужно свидание со мною. Странно, откуда берется этот беспроволочный телеграф между людьми, которые, встретясь на улице, не узнали бы друг друга...»

мемуарных книг, если знакомство могло иметь место. Хронологически наиболее вероятно оно могло произойти после переезда Жаботинского в Петербург в 1904 г. до, например, отъезда Рутенберга в Италию после казни Гапона в 1906 г. Однако до самого последнего времени это можно было лишь предполагать. И лишь в самое недавнее время нам удалось найти прямые сведения о связи Жаботинского и Рутенберга между собой. А уж о связях каждого в отдельности с Ан-ским известно и без нас. Таким образом, «пропущенное звено» позволяет восстановить те элементы контактов между революционерами, которые ранее и не предполагались.

Место, где нашлись эти герои в текстах Жаботинского, оказалось единственно возможным: это силлабус 1938 г., планировавшегося, но не реализованного расширенного английского издания мемуаров Жаботинского «Сипур ямай» (по-русски «Повесть моих дней», вышедшая на иврите в 1936 г.). Силлабус хранится в Архиве Махон Жаботински (Института Жаботинского в Тель-Авиве). На русском «Повесть моих дней» появилась в 1985 г., а упомянутая английская версия — лишь в 2016-м! При этом документ, который мы сейчас приведем, нам до 2016 г. на глаза никогда не попадался. Здесь (архивный номер: 279 5/10/6/10) и находим в главе «Университетские годы [University Years]», Р. 1: «Мои учителя, в особенности Энрико Ферри, криминолог, и Антонио Лабриола, марксист [My teachers, especially Enrico Ferry the criminologist, and Antonio Labriola the Marxist]». Далее, Р. 2: «Наш литературный “климат”: скандинавки и Ницше; Маркс, родной для России аграрный социализм; и вместе с этим любопытная смесь Чехова, и его “желание желать”, с Горьким, призывающим к бунту [Our literary “climate”: the great Scandinavians and Nietzsche; Marx, the native Russian brand of agrarian Socialism; above all — the curious combination of Chekhov who made us “long for something” and Gorky who called to revolt]». Жаботинский продолжает: «NOMAD OVER RUSSIA, 1904–1907... Скрываясь в Санкт-Петербурге (...) и все же ежедневно сталкиваясь с толчеей либералов, реакционистов, социалистов марксистов и антимарксистов. Я выступаю на тему еврейского национализма на конгрессе меньшинств. Знакомлюсь с разными известными личностями сегодняшнего дня и будущего, начиная с Максима Горького, вплоть до Александры Коллонтай. Кровавое воскресенье (22 января 1905 г.) в Санкт-Петербурге. Молодой Рутенберг и о. Гапон. [Hiding in St. Petersburg (...) yet mixing daily with the throng liberals, reactionaries, Socialists Marxian and anti-Marxian. I report on Jewish Nationalism at a Congress of Minorities. I meet various celebrities of the day and of future,

Александра Коллонтай

from Maxim Gorky to Mme. Kollontay. The Bloody Sunday (January 22, 1905) in St. Petersburg. Young Rutenberg and the priest Gapon]».

Итак, Рутенберг возник не в контексте 1915 г., как считалось до сих пор, а в контексте Первой русской революции. Затем Жаботинский рассказывает о парадоксальной ситуации, когда революционная активность евреев в Бунде оказалась не ко двору русским социал-демократам, которые на Стокгольмском совещании пошли по пути, всё дальше разводившему большевиков и меньшевиков. При этом Жаботинский участвовал в «Освобождении» П.Б. Струве (под псевдонимами «Аноним» и «Informator»), в том самом журнале, где сам Струве с удивлением писал о каком-то расколе на большевиков и меньшевиков. Поэтому мы должны отнести к информации о Стокгольме как к фактическому материалу, связанному с биографией Жаботинского.

Мы говорим это потому, что дальнейшие имена и их сочетания могут вызвать существенные сомнения в том, являются ли они просто историческим контекстом, в котором развивается жизнь мемуариста, либо, как мы склонны думать, оказываются достоверной политической информацией. Это важно, так как пересечения важнейших исторических фигур, отсутствующие в базовых источниках, находятся в цитируемых нами документах. Продолжаем цитировать указанную папку, на сей раз «Синописис “Повести моих дней”» [«A Synopsis of “The Story of my Day”»] (3166/2/II), где находим: «Максим Горький, (...) Рутенберг, (написано черной ручкой) от казни о. Гапона до покорения Йор-

Александр Керенский

дании, (...) Александра Коллонтай (советский министр в Стокгольме) в юные годы, (...) Свен Гедин, Керенский, Савинков (русский террорист) [«Maxim Gorky, (...) Rutenberg, (by hand, black pen) from priest Gapon's execution to the harnessing of the Jordan (...) Mme Kollontay (Soviet Minister at Stockholm) in her youth (...) Sven Hedin, Kerensky, Savinkov (Russian terrorist)»].

Что касается Свена Хедина, то о встрече с ним Жаботинский написал еще в 1914 г. в газете «Русские ведомости», а позже описывал эту встречу в полном тексте своих мемуаров, включающем и главу о Первой мировой войне. Этот текст также впервые был опубликован нами лишь в 2016 г.¹⁵ Обращаем внимание на две разные формулировки ситуации с Гапоном и Рутенбергом. В одном случае это 9(22) января 1905 г., а в другом — 28 марта (10 апреля) 1906 г. Но в любом случае знакомство Жаботинского и Рутенберга отодвинулось на 9–10 лет. Что касается Керенского, то о встречах с ним мы до самых недавних пор ничего, как кажется, не знали. Однако такой документ появился еще в 1917 г. Это статья «Мои встречи с министром Керенским» О. Дымова из «Русского слова», 1917, № 1533, с. 4: «Помню один вечер: я пригласил к себе Керен-

¹⁵ См. специально: *Кацис Л.* «Русская весна» Владимира Жаботинского: атрибуция, библиография, автобиография. М.: РГГУ, 2019. С. 703–716. Впервые главка о встрече со С. Хедином из мемуаров Жаботинского опубликована нами здесь: Vladimir Jabotinsky's Story of My Life Kindle Edition / Ed. by B. Horowitz, L. Katsis. Detroit: Wane State University Press, 2016. P. 112–115.

ского с женой, известного писателя Жаботинского, Копельмана и немецкого журналиста М. Разговор носил политический характер. Керенский был не в духе. Он ядовито нападал на правых, вышучивал Маркова и Пуришкевича. Но он верил, что реакция недолговечна, что русский народ возьмет свою судьбу в свои руки»¹⁶.

Судя по тому, что речь в воспоминаниях Дымова идет о 1912 г., дату знакомства Жаботинского с Керенским вполне можно передвинуть к этому времени. Хотя ничто не препятствовало более раннему знакомству, так как Жаботинский всегда был в центре русской политической и парламентской жизни. Нам же важнее, что сведения о конкретных встречах двух политиков гарантированно имели место и они были опубликованы при их жизни. В любом случае к 1917 г. знакомству Керенского и Жаботинского было как минимум 5 лет. Таким образом, весь список имен из документа Жаботинского позволяет счесть встречи с названными людьми важными историческими моментами. Они позволяют продолжить восстановление круга общения представителей определенных политических взглядов, связи между которыми далеко не всегда очевидны.

Теперь попробуем выяснить, что стоит за словами «Коллонтай в годы ее юности». Из биографии Коллонтай мы знаем, что в ранние годы в Одессе она не бывала. Позднейшие ее одесские дни в компании с красным командиром Дыбенко нас сейчас не интересуют. В то же время Коллонтай была 9 января в толпе рабочих, которых вели Гапон и Рутенберг. Собственно, то же самое писал о себе в одном из вариантов и Жаботинский. Понятно, что само по себе нахождение в числе участников известного политического события знакомства не гарантирует. Но запись Жаботинского в планах глав своих мемуаров решает вопрос именно в положительную сторону. А вот появление в списке имени Савинкова позволяет прочертить еще одну важную линию между людьми, которые на первый взгляд не встречались. Мы имеем в виду сразу и Жаботинского, и Савинкова, и Керенского, и Рутенберга, и Ан-кого¹⁷. Дело

¹⁶ Это текст приведен в: Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия. В 2 т. Т. 2. В дружеском и творческом кругу Дымова / Сост. и коммент. В. Хазана. Иерусалим: The Hebrew University of Jerusalem, Center of Slavic Languages and Literatures, 2011. С. 189.

¹⁷ Интересно, что именно 1917 г. неожиданно свел воедино Савинкова, Рутенберга и Коллонтай, хотя более вероятно, что перед нами легенда, основанная, похоже, на тех плотных связях раннего периода, которые мы здесь анализируем.

В. Хазан пишет, описывая поразительные встречи в большевистском заключении Щегловитова, Пуришкевича, Рутенберга и т.д.: «В феврале–марте 1918 г. большевики стали выпускать из заключения бывших министров Временного пра-

в том, что в момент свержения царского правительства в феврале 1917 г. Савинков сразу же оказался в Петрограде на самых высоких ролях в военном ведомстве. Но об этом чуть позже. Пока же напомним, что Савинков и познакомил Ан-ского с Гапоном. Как бы мы ни относились к мемуарам Ан-ского, но факт этого знакомства, кажется, не отвергался¹⁸. Что же касается Первой мировой войны, то здесь контакты Ан-ского и Савинкова носили достаточно близкий характер. Так, Ан-ский через Савинкова просил Керенского не призывать в армию артистов Московского Художественного театра, что и было выполнено. В итоге Ан-ский был даже выбран в Учредительное собрание. Однако мемуары Ан-ского вышли на идише, а потому не стали предметом чрезмерного внимания. Эсеровские связи Ан-ского были достаточно плотными, поэтому не удивительно, что и в 1917 г. «Ан-ский испытывал ностальгию по эпохе терроризма в истории эсеров. Он посвятил стихотворение “Бунт бунтов: Псалом” “Светлой памяти Е.С. Сазонова” — молодого эсера, убившего в 1904 г. Плеве». И важно, что это убийство организовал Борис Савинков¹⁹.

Ранее нам уже приходилось анализировать статьи «Анонима» из «Освобождения» с подробным анализом поступка Сазонова, равно как в 1913 г. уже Жаботинский обсуждал в газете «День» искренность поступка убийцы премьера П.А. Столыпина — Богрова. И вывод был такой: в момент нападения на Столыпина Богров точно знал, что ему не уйти, честно жертвовал собой, в отличие от поступков презренного провокатора Азефа. Так и в случае Сазонова убийство Плеве не должно было вести к смертной казни, а убийца заслуживал снисхождения, так как помог стране разрушить неразрешимую и самоубийственную для государства проблему устранения Плеве из политической жизни России²⁰. Необходимо отметить, что эти же самые проблемы обсуждались и в связи с поступками Гапона, и в связи с его убийством, совершенным Рутенбергом.

вительства. <...> Чаше всего освобождение Рутенберга связывают с хлопотами М. Горького и почему-то А. Коллонтай, хотя версия эта никем всерьез не проверялась и доказательств никаких не приводилось». См.: Хазан В. Цит. соч. С. 411.

На фоне того, о чем мы сейчас говорим, удивляться подобной легенде не следует.

¹⁸ Сафран Г. Неприкаянная душа. Семен Ан-ский. Русский революционер, еврейский этнограф, автор «Дибук». Биография. СПб.: Симпозиум, 2020. С. 162.

¹⁹ Там же. С. 356.

²⁰ Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского: атрибуция, библиография, автобиография. М.: РГГУ, 2019. С. 423–428 (главка «Жаботинский в “Дне” 1912 г. об убийце П.А. Столыпина Д. Богрове и “Аноним” — об убийце фон Плеве Е. Сазонове»).

Эти вопросы особенно остро стояли перед Рутенбергом и его окружением как раз тогда, когда после убийства Гапона Рутенберг оказался на Капри у Горького, который дал очень существенные деньги убитому священнику и имел прямое отношение к спасению Гапона после 9 января 1905 г. О своем отношении к спасению Гапона Горький писал Е.П. Пешковой ночью трагического дня: «Гапон каким-то чудом остался жив, лежит у меня и спит. Он теперь говорит, что царя больше нет, нет Бога и церкви, в этом смысле он говорил только сейчас в одной собрании публично и — так же пишет. Это человек страшной власти среди путиловских рабочих, у него под рукой свыше 10 тысяч людей, верующих в него, как в святого. Он и сам веровал до сего дня — но его веру расстреляли. Его будущее — у него в будущем несколько дней жизни только, ибо его ищут, — рисуется мне страшно интересным и значительным — он поворотит рабочих на настоящую дорогу». В подробной каприйской хронике жизни Горького находим очень много важных деталей интересующих нас событий. Приведем лишь один пример: «Горький почти ни с кем не поддерживал знакомства на острове. Гости, которых приглашал Горький (его почитатели, восхищавшиеся какой-нибудь его статьей или книгой), приходили, оставались на обед и вскоре уходили. Русские гости Горького старались не привлекать внимания и назывались фальшивыми именами. Лика знает о Луначарском, но ничего не знает о Троцком. Знает о каком-то Андрее, который называл себя братом Марии и часто ребячливо обнимал ее во время прогулок по берегам заливов. Однажды комиссар подошел к Лике и спросил у нее, дружит ли она с ними. Он попросил предупредить Горького, что Андрей должен исчезнуть, добровольно, если он не хочет, чтобы его выслали из страны. Кажется, он был убийцей или участником знаменитого убийства священника Гапона».

К этому месту публикаторы дают примечание: «Речь идет об эсере Рутенберге, одном из организаторов убийства Гапона. С конспиративной целью Рутенберга называли “братом”, “двоюродным братом” Андреевой. Он скомпрометировал себя на Капри, о чем Горький впоследствии писал Ладыжникову^{21,22}. Петр (Пинхас Рутенберг) жил у Горького на Капри в 1907. М.Ф. Андреева писала И.П. Ладыжникову (4 февраля 1907): “Поселился у нас на Капри двоюродный брат мой Василий Петрович. Вы его помните? Как человека я его очень люблю, и сейчас он

²¹ См.: Архив Г. Т. VII. С. 160.

²² История с якобы вскрытием Рутенбергом конвертов переписки Горького, в чем и заключалась компрометация, не помешала в дальнейшем более чем близким отношениям Андреевой и Рутенберга.

Леонид Андреев

в таком тяжелом душевном состоянии, что приласкать его необходимо, но не скажу я, чтобы радовало меня его присутствие»²³²⁴. Из хроники следует, что Горький прибыл в Италию, в Милан, 27 октября 1906 г., а на Капри оказался 3–4 ноября 1906 г. Приезд Рутенберга в начале 1907 г. к Горькому, таким образом, оказывается вполне знаковым, так как состоялся он почти сразу после поселения там писателя.

Между тем в нашу картину включается еще одна фигура — Леонид Андреев после трагических событий в его личной жизни: «Андреев приехал на Капри, похоронив “Даму Шуру” в Берлине — она умерла от послеродовой горячки. Смерть умного и доброго друга очень тяжело отразилась на психике Леонида. Говорить с ним было трудно, почти невозможно, он нервничал, сердился и, казалось, нарочито растравлял свою боль»²⁵. После отъезда Л. Андреева писатель пожаловался И.П. Ладыжникову около 22 мая (4 июня) 1907 г. на его скандальное поведение и заметил: «Василий Федоров — должно быть “от нервов”, — вел себя здесь тоже в высшей степени нахально, скот. Они тут, пьяные, ходили и орали — “пей за здоровье Горького, мы платим”. В доме у нас В<асилий> Ф<едорович> возмутил против себя всю прислугу, на своей

²³ Андреева. С. 120.

²⁴ Летопись жизни и творчества М. Горького в Италии: Капри (по материалам архива А.М. Горького). М.: ИМЛИ РАН; Лексрус, 2022. С. 427.

²⁵ 13, 388–389.

квартире — хозяина-попа и всех сродников его, уехал тайно, не заплатив денег, задержали его жену... вообще чорт знает, что за каша! И за всю эту канитель нам приходится отдуваться»²⁶. Тем не менее именно Горький побудил Рутенберга начать работу над первым вариантом воспоминаний «Дело Гапона» и попытался помочь опубликовать рукопись в берлинском издательстве И.П. Ладыжникова. 15(28) марта 1907 г. он сообщил Ладыжникову: «На днях я вышлю Вам рукопись Рутенберга “Предательство и смерть попа Гапона”. Пока держите это в секрете — история большая и громкая»^{27,28}.

Вопрос о публикации этой книги-мемуара о Гапоне тянулся довольно долго, против выступал, в частности, Савинков. Подробно всё это следует из публикации переписки Горького и Рутенберга. От себя заметим, что Горький, в чью квартиру и привели Гапона от Зимнего дворца, был очень заинтересован в появлении книги Рутенберга. Однако появление здесь имени Леонида Андреева сразу усложняет сюжет. Помимо того что, как известно, рассказы Рутенберга способствовали написанию Леонидом Андреевым рассказа «Тьма» (о том, как революционер прятался в публичном доме), здесь же возникла и история, которая привела к написанию андреевского «Рассказа о семи повешенных». Этот рассказ повествует о казни группы революционеров, в том числе Всеволода Лебединцева, близкого друга юности Жаботинского. При этом человеком, который помогал и Лебединцеву, и другим русским террористам получать итальянские визы и даже фальшивые итальянские документы, был Арриго Риццини. С одной стороны, он был видным масоном, с другой — автором заметной статьи о Горьком: «В числе наиболее ярких и значительных откликов на творчество М. Горького итальянской критики начала XX века выделяется статья Арриго Риццини “Идеи и драмы Максима Горького”, написанная на основе лекции, прочитанной автором 13 марта 1905 года на заседании Литературно-философского кружка Римского университета (машинописная копия статьи в составе коллекции материалов Л. Фабри хранится в Архиве А.М. Горького; далее текст статьи цитируется по этой копии). Автор статьи анализирует драмы Горького как важный шаг вперед в развитии мировоззрения и творческого метода писателя. Риццини утверждает, что босяки Горь-

²⁶ 14, 53.

²⁷ 14, 36.

²⁸ Спиридонова Л.А. Переписка М. Горького и П. Рутенберга // Время Горького и проблемы истории (материалы и исследования). Серия «М. Горький. Материалы и исследования». Вып. 14. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 17–18.

Всеволод Лебединцев

кого — вовсе не новое слово в литературе, как принято думать, а один из вариантов описания жизни цыганской богемы, щедро представленного в западной литературе. Подлинно новым словом в литературе Риццини считает драмы Горького, которые, по его мнению, знаменуют собой следующий этап творчества писателя, создавшего в них действительно оригинальные образы. Автор статьи доктор Арриго Риццини — служащий Министерства земледелия, масон, руководитель Римского отделения международной студенческой организации доброй воли “Корда Фратрес” (“Сердца-братья”), основанной в 1898 году президентом Туринского университета Эфизлио Джилио Тосом и объединявшей самые широкие круги европейской молодежи, журналист, писатель, автор книги (1911) о монахе-еретике XII века Арнольде из Брешии, ученике Пьера Абеляра, противнике богатства духовенства и папской власти, который во главе народной партии в Риме стал идеологом воссоздания республики и после многократных изгнаний был казнен по приказу папы Адриана IV. Книга вышла в серии “Мученики свободной мысли” римского издательства Подрекка-Галантара, опубликовавшего в этой серии книги Артуро Лабриолы о Джордано Бруно и Бенито Муссолини о Яне Гусе. Этот контекст восприятия творчества Горького итальянским масонством очень важен и не привлекал еще внимания исследователей. Статье предпослано посвящение, которое придает особый смысл всему сказанному автором и, более того, самым неожиданным образом высвечивает личность критика. В посвящении мы читаем: “Марии Феликсовне Зелен-

ской и Всеволоду Владимировичу Лебединцеву с братской любовью посвящаю». Посвящение В.В. Лебединцеву и его подруге М.Ф. Зеленской приоткрывает очень важную, но малоизвестную страницу истории русского революционного движения — его связи с итальянскими масонами и тайной помощи итальянских масонских организаций русским эмигрантам-революционерам»²⁹.

Заметим, что эта лекция была произнесена в момент, когда «прогрессивные» итальянские газеты волновались за судьбу и здоровье Горького, который только 1 марта 1905 г., как сообщала «Аванти», был освобожден из заключения. Это все описывается в цитируемой статье. Заметим также, что и боролись за освобождение русского писателя, и писали о нем, и встречались с ним, и даже встречали его на вокзале в Неаполе после ссылки хорошо нам знакомые Ферри, Лабриола и другие учителя либо знакомые Жаботинского. При этом забавно напомнить, что еще в 1901 г., т.е. задолго до прибытия Горького в Италию в самый первый раз, Жаботинский в рассказе «Невежа» провиденциально описал то, с каким почтением будут итальянские рыбаки охранять покой великого русского писателя³⁰. Есть, правда, и еще интересные особенности среды, в которой оказался Лебединцев. Как раз перед важнейшими событиями в его жизни он ненадолго оказался близок с Михаилом Осоргиным, который написал о нем очерк «Неизвестный по прозвищу Вернер». Под таким именем в рассказе Андреева и фигурировал «Кальвино» — Лебединцев.

Не занимаясь в этой статье хронологией контактов и Жаботинского и Осоргина с масонами, лишь отметим, что именно Осоргин уже в Париже рекомендовал Жаботинского ложе «Северная звезда». И хотя историки относят дату знакомства Жаботинского с Осоргиным к более поздним временам, формулировка допускает и иное: «В первой половине 1910-х годов в Италии Жаботинский близко знакомится с коллегой по перу — корреспондентом газеты “Русские ведомости” Михаилом Ильиным, писавшим под псевдонимом “Осоргин”. Это был представитель старинного дворянского рода, человек чести и достоинства, без колебаний отстаивавший честь и достоинство других, будь то револю-

²⁹ Ариас-Вахиль М. Идеи и драмы Максима Горького в Италии в 1905 году (по материалам Архива А.М. Горького) // Новые российские гуманитарные исследования. Вып. 8. 2013. URL: <http://nrgumis.ru/articles/270/>

³⁰ Этот рассказ, естественно, републикован в Полном собрании сочинений Жаботинского в Т. II. 1, а анализ всей ситуации, связанной с горьковским рассказом «О писателе, который зазнался» и историей отъезда Жаботинского в Италию, см. в: Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского: атрибуция, библиография, автобиография. М.: РГГУ, 2019. С. 90–92.

Михаил Осоргин

ционные идеалы 1905 года, освещение “дела Бейлиса” или его уже анти-революционные настроения 1917 года. И за это он властями — царскими, а позже советскими — преследовался. Вот и в Италии Осоргин тогда находился, бежав из России после событий 1905 года»³¹.

Нетрудно заметить, что «концентрация» участников очень близких событий, чьи судьбы пересекались до, во время и после каприйских событий, нарастает. И всё время возникают не самые очевидные параллели, которые кажутся ненужными в каждом конкретном случае. К примеру, маленькая деталь, которая промелькнула в материалах итальянской полиции, о том, что реальный Кальвино, на чье имя выписан паспорт Лебединцева, был масоном³². Более того, невозможно ограничиваться только конкретным местом, где находился в Италии Горький и куда к нему приезжала масса людей, включая, естественно, Ленина, где происходили контакты с Троцким и т.д. Поэтому самое главное — помнить и о местах типа Лигурийской колонии³³, где пересекались все интересующие нас фигуры. Достаточно полный список других знаковых мест находится в энциклопедии о русских в Италии, а игра в поиск перекрестных связей дает порой поразительные результаты. И здесь не

³¹ Горн О. Жаботинский — «Северная звезда» Сиона // Заметки по еврейской истории. № 5. 2013. <https://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer5/Gorn1.php>

³² Русское присутствие в Италии в первой половине XX века. М.: РОССПЭН, 2019. С. 401.

³³ Там же. С. 342–361.

следует переоценивать слово «масоны» во всех наших сюжетах. Скорее, надо еще оценить, каково место разного рода социалистических движений в структуре тогдашнего масонства. Нам менее всего хочется, чтобы кому-то здесь увиделась ненужная конспирология. Да в ней, действительно, нужды нет. Вот удивительная заметка Жаботинского под псевдонимом «Ассир»³⁴ из газеты «Утро Юга». Этот текст позволит правильнее понять общую картину связей социалистов и масонов, как она виделась тем читателям русских газет, которых эта информация касалась (см. Приложение).

Такова была ситуация всего через пять-шесть лет после того, как итальянские масоны помогали русским террористам. В этом смысле интересно самоопределение Лебединцева со слов Михаила Осоргина, к моменту написания рассматриваемого текста уже точно масона: «В Италии я анархист, а в России могу быть эсером».

Как мы видим из терминологии статьи Ассира о масонах и социалистах в Италии, это самоопределение было абсолютно точным. В Италии слова «социалист-революционер» значили совсем не то, что в России.

Однако многочисленные связи между практически всеми названными здесь фигурами точно так же разорваны, как и информация о принадлежности к масонам, анархистам, эсерам-террористам, двойным агентам и т.д. Разорваны вольно, а чаще всего — невольно, там, где целостная сеть контактов каждой конкретной фигуры авторов монографических исследований о конкретных фигурах, структурах или партиях традиционно не интересует исследователей. Мы же займемся прямо противоположным: мы предложим сейчас как раз объединение тех сведений, которые можно собрать в имеющихся у нас источниках.

Скажем сразу, что и количественно упоминание имен всех наших героев в книгах о каждом из них очень разное. И, действительно, прямых связей увидеть невозможно. Ведь для этого надо выходить за пределы конкретной биографии или конкретной ситуации. Достаточно сопоставить данные из книги о Савинкове, где описаны его контакты с еще одним важным персонажем, связующим всех наших героев — Л.Б. Красиным, — с рассказами о его же контактах, наверное, неизбежных, с Рутенбергом, а также о контактах Ан-ского с Рутенбергом и т.д. Не говоря уже о многолетних контактах Жаботинского с Горьким. В свою очередь,

³⁴ Проблеме атрибуции псевдонимов Жаботинского из «Утра Юга» мы посвятим особую работу. Общая методология полностью соответствует изложенному в нашей монографии «Русская весна» Владимира Жаботинского.

Леонид Красин

даже в объемной книге Г. Кана о «Боевом отряде Северной области» информация о месте и роли Красина отсутствует вообще. А Жаботинский фигурирует лишь как автор мемуаров и рассказа «Всева» о Лебединцеве и, что важно, как корреспондент Риццини³⁵. И здесь стоит указать на два момента из жизни и деятельности Л.Б. Красина, которые никоим образом не фигурируют во всех интересующих нас книгах. Во-первых, Красин был важнейшим организатором советской внешней торговли. Однако сам этот факт мог бы нас не очень интересовать, если бы не одна его особенность: эта работа шла на основе кадрового состава еврейской партии «Фарейнихте», представители которой вернулись в Советскую Россию и были вновь отправлены в Америку для указанной работы. Поэтому не надо удивляться ни контактам Красина с Рутенбергом, еще

³⁵ Кан Г. Грозь бедой преступной силе... Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). В 2 т. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2021. Рецензентами этой книги являются О. Будницкий и В. Хазан, поэтому автор монографии не знает о том, что и книги о русских террористах В. Владимирова, упомянутые им, принадлежат, как мы показали, В. Жаботинскому. Этому посвящены существенные разделы нашей монографии. Характерно, что в сборнике «Жаботинский и Россия: Сб. трудов международной конференции» («Russian Jabotinsky: Jabotinsky and Russia»), посвященной 130-летию В.Е. Жаботинского (Stanford, Ca, 2013), есть и наша соответствующая работа, и статья В.И. Хазана. Однако полемика в этом кругу не предусмотрена, здесь работает cancel science. Собственно, включению в общий контекст пропущенных по тем или иным причинам работ и сведений и посвящена данная работа. Кстати, ссылка на Стэнфордский сборник в энциклопедии о русских в Италии есть.

с итальянских³⁶, если не более ранних времен, ни доверию, проявленному к нему Борисом Савинковым перед согласием последнего на возврат в СССР прямо в руки ОГПУ. Сведения об этом нашлись не так давно в материалах процесса Еврейского антифашистского комитета, когда участники всех этих процессов пытались оправдываться перед сталинским судом, сообщая именно об этом, да еще в связи с причастностью ряда из них к поездкам Маяковского в Америку. И здесь роль Красина была определяющей³⁷.

Второй момент связан с другой ипостасью «любителя электричества» Леонида Красина, сыгравшего важную роль в построении советской энергетики. Подобную роль сыграл уже в Палестине Пинхас Рутенберг, который предреволюционные годы провел в рабочей еврейской среде в Америке. Именно оттуда он и приветствовал февральскую революцию. Из Америки он отправился на встречу со своими коллегами Савинковым и Ан-ским. Как видим, связи между этими людьми могут быть самыми нелинейными и многоуровневыми.

И если уж мы коснулись проблемы электрификации Палестины, то в спорах об этом принимал активнейшее участие и Жаботинский в «Рассвете». Сейчас мы лишь процитируем обобщенный более поздний текст Жаботинского: «4) Роль государственной казны. До сих пор правительственный капитал по принципиальным мотивам не принимал участия в расходах на еврейскую колонизацию, и в оправдание своей позиции основывался на весьма странных принципах. Нельзя, мол, заставить арабского налогоплательщика нести расходы на еврейское строительство — эти расходы должны падать всецело на евреев. Но тут следует отметить, что не менее 50 проц. из правительственных доходов поступают из еврейских карманов и поступают, главным образом, именно потому, что евреи заселяют страну. По всем законам справедливости, согласно какой-нибудь разумной пропорции, и по мере увеличения колонизации, должно увеличиваться участие фиска в финансировании еврейского строительства. И имеется тут еще одна проблема, для разрешения которой необходимо участие казны — это учреждение в Палестине самостоятельного эмиссионного палестинского банка. 5) Экономическая политика сионизма. Сюда должны войти разработка путей для

³⁶ Хазан В. Цит. соч. С. 222, 271.

³⁷ Кацис Л. Владимир Маяковский и русско-еврейский Нью-Йорк // Маяковский продолжается. Сб. научных статей и публикаций архивных материалов. К 115-летию со дня рождения поэта и 70-летию Государственного музея В.В. Маяковского. Вып. 2. М.: Гос. музей В.В. Маяковского, 2009. С. 51–70.

развития всех хозяйственных возможностей Палестины и Трансиордании, как то: сельское хозяйство, индустрия, ремесло, промышленность, транспорт, туризм; водные резервы в стране, подземная и надземная вода и дождевые воды — для орошения и электрификации; химические ресурсы Палестины; перспективы экспорта и транзита, азиатский тыл, вопрос о границах мирового “сентиментального” рынка для еврейской продукции; роль Палестины в качестве “культурного центра” для Галута. Перечисление это можно вести до бесконечности. Каждый пункт в глазах колонизатора имеет единственное значение — “столько-то новых экономических позиций для такого-то количества иммигрантов”³⁸.

Связи Рутенберга с Ан-ским продолжались и в решающие для освобождения моменты. В данном случае опять речь идет о напечатанных в 1980-е гг. мемуарах, которым не нашлось места в книге Г. Сафран об Ан-ском. Хазан приводит их довольно полно: «Рутенберга, к счастью, не расстреляли, и в марте 1918 г. он был освобожден. Пасхальный седер 1918 г. он справлял в доме Моносзонов, родителей Р.Н. Этингер, куда он попал по воле случая. Впоследствии Роза Николаевна вспоминала, что Г.А. Лопатин³⁹, с которым она была знакома через С. Ан-ского, просил подыскать убежище для освободившегося из большевистского заключения М.И. Терещенко. <...> Голос его звучал властно, говорил скупыми словами, четко, безапелляционно. С ним было трудно спорить. Весь массивный, голос глухой, не утративший украинского напева. Во мне, тогда молодой и робкой, его категоричность вызывала внутренний отпор. Но когда он улыбался, его лицо становилось простодушным и необычайно привлекательным. Вертелись в голове мысли о его революционном прошлом, о истории с Гапоном, но он говорил самое, с его точки зрения, нужное, никогда не упоминал в разговоре со мной об этом. Только прощаясь, оставил на моем столе журнал “Былое”, где был напечатан его рассказ о расправе с Гапоном, который я прочла уже после его отъезда». На пасхальном седере, рассказывает далее Роза Николаевна, среди гостей были С. Ан-ский и М.А. Алданов; Рутенберг выглядел против обычного оживленным и «вспоминал о близком друге Ан-ского — Хаиме Жилтовском, с которым познакомился в Америке, и говорил, что был ему многим обязан в возвращении к еврейской деятельности»⁴⁰. Поэтому не будем

³⁸ Жаботинский В. Еврейское государство (Разрешение еврейского вопроса). Тель-Авив, 1974. URL: <https://www.rjews.net/gazeta/Lib/Jab/gosudarstvo.shtml>

³⁹ Г.А. Лопатин имел прямое отношение к обсуждению суда над Азефом в 1912 г. К этой же истории имел отношение и В.А. Бурцев, с которым мы еще встретимся.

⁴⁰ Хазан В. Цит. соч. С. 417.

Зинаида Гишпиус

удивляться тому, что в конце 1920-х — начале 1930-х В. Бурцев помогал Рутенбергу в разоблачении роли просоветского Коминтерна в активизации арабского антиеврейского движения⁴¹. И всё это сопровождалось размышлениями Рутенберга по поводу рассказа о Лебединцеве «Всева», опубликованного Жаботинским в парижском сборнике своих рассказов.

Теперь, приближаясь к завершению этой работы, коснемся важной ситуации, часть которой была известна, а часть — восстановлена нами в процессе изучения газеты «Русь-Понедельник» (молодежного приложения к основной газете).

Ни для кого не являются секретом близкие отношения Бориса Савинкова и круга Мережковских, которые в постапоновские времена жили в Париже. И это был очень конфликтный эпизод, в центре которого оказались как раз Лебединцев и отношение Зинаиды Гишпиус к казни участников покушения на И.Г. Щегловитова, о котором шла речь в «Рассказе о семи повешенных» Леонида Андреева. Эта история началась достаточно давно, еще в 1905 г. И здесь бесценны мемуары близкой в те годы к кругу Мережковских — Философова М.С. Шагинян. Вот этот текст, кстати, приведенный и проанализированный в книге о Савинкове К. Морозова. Однако никаких далеко идущих выводов из интересующего нас эпизода сделано не было: «На заседаниях “христианской секции”, собиравшейся конспиративно, присутствовали самые разные люди:

⁴¹ Там же. С. 670–679.

Дмитрий Мережковский

и интеллигенты, и рабочие, прошедшие через 1905 год; были даже из демонстрантов Девятого января, участники похода к Зимнему, к “царю за правдой”, и оставшиеся в живых после расстрела»⁴². И чуть ниже — важное рассуждение автора книги о Савинкове: «М.С. Шагинян не была посвящена в детали отношений “троицы” с эсерами-эмигрантами и, по ее словам, знала лишь, что “там, в Париже, у них были таинственные друзья, у которых оставался их “архив”, там они снимали “квартирку”. <...> В письмах Гиппиус то и дело встречались намеки на “засекреченные”, безымянные заграничные кадры, вступившие в их “церковь”»⁴³.

Какую же практическую цель преследовала “троица”, устанавливая связи и “вербуя” сторонников в эсеровской среде (а знакомы они были не только с Б.В. Савинковым и И.И. Фондаминским, но и с их дружеским кругом, рядом членов БО ПСР, а также с В.М. Черновым, В.Н. Фигнер и другими). Они хотели ни больше ни меньше — создать своеобразную религиозно-революционную организацию (они условно называли ее “новой” партией, или “орденом”) при ПСР. К сожалению, мы знаем об этом крайне немного: отдельные строчки — “проговоры” мемуаристов (В.М. Чернов) и несколько документов, не дающих всей полноты картины»⁴⁴.

⁴² Савинков, 2006: 292.

⁴³ Конец цитаты из М. Шагинян.

⁴⁴ Савинков, 2006: 293.

Нам представляется, что некоторые эпизоды, связанные с отсутствующим в книге о Савинкове именем Лебединцева, позволят увидеть кое-что во взаимоотношениях интересующих нас лиц. В книге о Рутенберге имя Лебединцева встречается в связи с реакцией Рутенберга на рассказ «Всева» Жаботинского⁴⁵. Этот же рассказ, как известно, побудил к позднейшим воспоминаниям и Михаила Осоргина. Между тем мимо внимания исследователей проскочил очень содержательный сюжет, который объединяет вокруг Лебединского и Дмитрия Философова, и Зинаиду Гиппиус, и Владимира Жаботинского. Причем всё это имело место в газетах «Столичное утро» и «Русь». «Столичное утро» достаточно много публиковало и самого Философова, и, что для нас важнее, Антона Крайнего (З. Гиппиус). Так вот, в 1907–1908 гг. в связи с поражением первой русской революции возникла серьезная дискуссия о роли молодежи во всех этих событиях. В этой дискуссии приняла участие и Зинаида Гиппиус. Она открыто выступила с резкой статьей против молодежного приложения к «Руси». В ответ были опубликованы две статьи и в основной «Руси» за характерной подписью «Антон Глупый», где нападки некоего «Писателя» на молодежь были сопоставлены по дате публикации статьи с датой казни террористов на Лисьем Носу. А в «Руси-Понедельник» появилась статья за подписью «Ник. Вержбицкий», в которой сообщается, что находящаяся в Париже Зинаида Гиппиус, названная «тетенькой в штанах», якобы получала в Париже сообщения о молодежи от «Ник. Вержбицкого», а потом использовала их для борьбы с молодежью. Нам давно удалось показать, что обе статьи написаны известным нам Жаботинским. При этом 12 ноября 1907 г. в «Руси-Понедельник» появилась обширная статья об обсуждении в Религиозно-философских собраниях доклада находившегося в Париже Дмитрия Мережковского «Церковь грядущего». Там были и текст доклада, и якобы дискуссия о нем с участием Б. Столпнера, А. Мейера и т.д. Похоже, отзывы были письменными. Впрочем, это вопрос дискуссионный⁴⁶.

Там же были опубликованы и обзор «идейного» сборника «Le Tzar et la Revolution», впервые вышедшего в свет на русском лишь в 1999 г. в серии «Исследования по истории русской мысли», и книги Мережковского «Не мир, но меч». Но всего этого ни «Антон Глупый», ни «тетенька

⁴⁵ Хазан, 2008: 750–75.

⁴⁶ Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского: атрибуция, библиография, автобиография. М.: РГГУ, 2019. С. 523–588 («Н. Вержбицкий» — Жаботинский в «Руси» и «Руси-Понедельник» 1907–1908).

в штанах» как бы не знают. Более того, «авторы» «Руси-Понедельник» прозрачно намекают, что нападки на молодежь в «Столичном утре» оказываются прямой параллелью статье М.О. Меньшикова в суворинском «Новом времени»⁴⁷. Так неожиданно и под прикрытием псевдонимов возникла очередная переключка между названными нами ранее героями. При этом характерно, что ни имен Гиппиус и Мережковского, ни имени М.О. Меньшикова в кратком списке Жаботинского нет. Однако с той или иной полнотой работе Жаботинского в «Руси» посвящена целая глава в его «Повести моих дней».

В целом мы можем констатировать, что продолжение исследования различных узлов информационных сетей вполне возможно. Другое дело, что в рамках такой сети конкретное и давно ушедшее в историю дело Гапона–Рутенберга, как и Савинкова, Ан-ского и Коллонтай, приобретает какое-то новое измерение. И это само по себе может иметь перспективу. Уплотнять картину взаимоотношений этого достаточно узкого круга друзей-соратников мы не будем. Лишь отметим, что связи между Бурцевым и Рутенбергом вплоть до 1930-х гг. можно описать словами Жаботинского о самом Рутенберге — «от убийства Гапона до покорения Иордана». В свою очередь, Бурцев продолжал расследования до конца своих дней. Туда, в числе прочего, попал и некто Еваленко — не только издатель революционной литературы в Америке или неудачливый (как раз из-за разоблачения) издатель Ан-ского. И происходило это как раз тогда, когда Рутенберг был в Америке, где принимал активное участие в революционной деятельности и рабочем движении. Причем связи эти охватывают не 1905–1916 гг., а 1904–1930-е гг.

Смена целей, задач и партийной принадлежности наших героев в этой устойчивой системе связей значения не имеет. Ведь это и есть наиболее удобная и, в известном смысле, незаметная сеть, позволяющая уверенно работать там, где тебя не заметит не только Особый отдел Департамента полиции, но и близкие тебе люди и товарищи по партии. А им совсем не обязательно знать особенности политической позиции тех, кто в итоге оказывается важными политическими фигурами.

⁴⁷ Показательно, что в новейшем издании переписки З.Н. Гиппиус в громадном двухтомнике в серии «Литературное наследство» в первом томе имя А.С. Суворина и его газеты «Новое время» встретить можно, а вот газеты его сына «Русь», равно как и имени А.А. Суворина мы там не найдем, что вполне характерно для описываемой нами здесь ситуации. См.: Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2 / Отв. ред.: О.А. Коростелев, М.Л. Спивак; сост.: Н.А. Богомолов, М.М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 944 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Анкондский конгресс (От нашего римского корреспондента)

После нескольких оживленных заседаний закрылся сегодня XIV-й конгресс итальянской социалистической партии.

Настоящий конгресс можно считать собственно продолжением прошлого, реджио-эмильянского, который впервые ребром поставил вопрос о необходимости для партии очиститься от чуждых элементов и в области состава, и в области тактических выступлений.

Конгресс в Реджио Эмилии привел к известному расколу итальянской социалистической партии на две: партию социалистов-революционеров или официальных социалистов и социалистов-реформистов с Биссолати, Бономи, Подреккой и другими во главе. Настоящий, анкондский, конгресс продолжил начатое в Реджио Эмилии, исключив из своей среды социалистов-масонов и отказавшись от блоков в административных выборах.

Оппортунизм, отличавший особенно резко до последнего времени итальянский социализм, естественно объясняется общим ходом истории итальянского народа. Раздробленный не так давно на целый ряд мелких государств, перенесший на своих плечах эпоху войн и, наконец, объединившийся ценой огромных усилий в единое государство, итальянский народ немедленно получил возможность тем или иным образом участвовать лично в устройении своей судьбы. Строительство сегодняшнего дня мало могло быть согласовано с чистыми принципами марксизма. Итальянским социалистам, которые вскоре после объединения Италии представляли собой уже довольно заметную величину, нельзя было уклониться от участия в строительстве и, следовательно, исторически необходимо было поступаться чистотой своих принципов, иначе впадать в оппортунизм.

Но время шло. Государство укреплялось, окрепло, наконец. Идейный порыв, захвативший в своем вихре все классы общества, спал, и классы, шедшие до сих пор с ногу в области политического строительства, сразу, естественно, разделились и встали один против другого.

Прорывом исторического вихря, сорвавшись с классов их объединявший идейный покров, была Триполитанская война. Подготовка же к этому шла давно, естественно и постепенно в ногу с общим ходом развития итальянского государства.

Леонид Биссолати и его партия — социалисты-реформисты — и есть в наиболее чистом виде представители итальянских социалистов старого типа, социалистов-строителей, которые по существу своему подходят ближе всего к радикалам-социалистам Франции. Для них, естественно, приемлемым является участие в буржуазном министерстве, последовательными являются визиты Биссолати к королю в моменты министерских кризисов и его отказ от портфеля по причинам частного, а не принципиального характера.

Таким образом, социалисты-революционеры официально со своими лидерами Туратти, Тревесом и другими являются теперь в Италии представителями наиболее чистого и последовательного социал-демократизма.

Между прочим, коренной ошибкой экс-премьера «социалисто-еда» Джованни Джолитти и явилось его увлечение «строительным» характером итальянского социализма недавнего времени. Премьер полевел до приглашения социалиста в свой кабинет, считаясь с сильным ростом социализма в стране и думая кусочком настоящей власти сделать его ручным навсегда. Быть может, Джолитти и видел временный, переходный характер этих особенностей и стремился только утвердить их навсегда, но, конечно, не Джолитти с его даже исключительными возможностями бороться с ходом истории. Усилия премьера дали прямо обратный результат: народилось чисто социалистическое движение и, несмотря на раскол, даже усилилось по сравнению с прежним. В докладе дирекции партии на закончившемся конгрессе приводятся интересные цифры роста партии со времени раскола в Реджио Эмилии.

На конгрессе в Реджио Эмилии были представлены 1003 секции с 28 689 голосами. Это было в июле 1912 года. К 31 декабря этого же года, несмотря на раскол, число секций увеличилось до 1060 с 29 936 членами. К 31 декабря 1913 года их было уже: секций 1357 с 49 148 членами. Увеличение за 1 год 9 месяцев на 20 459 членов.

Основным решением конгресса в Анконе была резолюция о масонах в партии. В прежние времена масонство Италии было исполнено благородных целей и включало в свои ряды лучших людей страны. Оно являлось почвой, объединявшей всех против реакции и клерикализма. В конце концов, быть может и были правы тогда масоны, утверждая, что с превосходной организацией Ватикана, с его иезуитами и неисчерпаемыми богатствами могла бороться только тайная организация, выступления которой не могли быть предупреждены, ибо подготовлялись в се-

крете. Но времена изменились и для Ватикана, и для Италии. В стране открыто существуют сильнейшие антиклерикальные организации в чистом виде и в виде блоков самых противоположных по своим общим политическим программам партий. Борьба против реакции вообще ведется самостоятельно всеми прогрессивными партиями и их блоками, когда в этом оказывается нужда. Таким образом, итальянское масонство во многих своих функциях является теперь пережитком. Нужно сказать еще, что одновременно естественно масонство в Италии потеряло свою прежнюю чистоту идеализма, и поддержка масонов масонами переродилась в своего рода непотизм тем более вредный, чем сильнее само масонство. Дошло до того, что карьеру можно сделать лучше всего при помощи масонства, и масса теперешних масонов сделалась ими только по этой причине.

Для социал-демократической партии, которая хочет сохранить свою чистоту, масонство помимо своих карьеристических особенностей имеет много других серьезных отрицательных сторон. Объединяя всех без различия — буржуа и пролетариев — масонство заставляет социалистов участвовать в выступлениях и блоках недопустимого с принципиальной точки зрения характера. Так, например, как социалист может принять подобные выступления международного масонства. Два года тому назад масоны Франции во время забастовки почтовых, телеграфных и телефонных служащих обратились к масонам из числа бастующих с требованием прекратить забастовку. В Испании перед казнью Феррера масоны обратились к братьям всего мира с приглашением начать агитацию, чтобы воспрепятствовать казни. Через несколько дней вторым циркуляром масоны просили братьев прекратить агитацию. В 1910 году во главе движения против социалистов в Аргентине стоял Великий Мастер аргентинского масонства Хуан Балестра, теперь посол в Соединенных Штатах Америки. Итальянское масонство отнеслось более чем благожелательно к Триполитанской войне... Примеров можно привести еще много, но и каждого из приведенных достаточно, чтобы сделать невозможным для последовательного социал-демократа членство в какой бы то ни было из масонских лож.

Защита масонов социалистами-масонами на конгрессе была весьма слабой. Основной довод, что они, социалисты чистой воды, входили в ложи, чтобы вести среди масонов социалистическую пропаганду, конечно, не выдерживает критики. Масонство в своей массе буржуазное и не может быть полем для социалистической пропаганды.

Резолюция о недопустимости для социалиста быть масоном принята на конгрессе большинством в 27 378 голосов.

Принятие этой резолюции, повторяю, самый серьезный шаг конгресса. Еще за день до голосования этой резолюции весьма сомневались в возможности благоприятного исхода.

Вторая существенная резолюция конгресса — отказ от блоков в административных выборах — характерна, как подтверждение стремления к чистоте принципов, но по сравнению с резолюцией о масонстве имеет второстепенный характер.

Рим. «Утро Юга». № 99. 30 апреля 1914 года

REFERENCES

1. Ankonskij kongress (Ot nashego rimskogo korrespondenta) (Congress of Ancona (From our correspondent in Rome)) // *Utro Iuga*. № 99. April 30, 1914.
2. *An-skii S.A. Moio znakomstvo s G. Gaponom: Ocherk* (My acquaintance with G. Gapon: Essay) // *Russkoe bogatstvo*, 1909.
3. *Arias-Vikhl' M.A. Idei i dramy Maksima Gor'kogo v Italii v 1905 godu* (po materialam Arkhiva M. Gor'kogo) (Ideas and dramas of Maxim Gorky in Italy in 1905 (Based on the materials of the Archive of A.M. Gorky)) // *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*. Iss. 8. 2013. URL: <http://nrgumis.ru/articles/270/>
4. *Arkhiv A.M. Gor'kogo. T. 7. Pis'ma k pisatelyam i I.P. Ladyzhnikovu* (Archives of A.M. Gorky. Vol. 7. Letters to writers and I.P. Ladyzhnikov). Moscow: Goslitizdat, 1959. 382 s.
5. *Dymov O. Moi vstrechi s ministrom Kerenskim* (My meetings with Minister Kerensky) // *Russkoe slovo*. 1917. № 1533. S. 4.
6. *Dymov O. Vspomnilos', zakhotelos' rasskazat'...* Iz memuarnogo i epistolyarnogo naslediya. T. 2. V družeskom i tvorcheskom krugu Dymova (I remembered, I wanted to tell... From the memoir and epistolary heritage (in 2 vols.). Vol. 2. In the friendly and creative circle of Dymov). Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, Center of Slavic Languages and Literatures, 2011. 566 s.
7. *Figner V.N. Polnoe sobranie sochinenij. T. 3* (Full composition of writings. Vol. 3). Moscow, 1932.
8. *Gorn O. Zhabotinskiy — «Severnaya zvezda» Siona* (Jabotinsky — «Northern Star» of Zion) // *Zametki po evreyskoj istorii*. № 5. 2013. URL: <https://berkovich-zametki.com/2013/Zametki/Nomer5/Gorn1.php>
9. *Katsis L. «Dibuk» Semiona An-skogo mezhdu Stanford University, Ca, USA i «Peterburgskoj iudaikoj»* (EU Spb.): analiz politiki naichnogo sotrudnichestva i socialnoj praktiki perevoda amerikanskoj nauchnoj produkcii («Dibuk» by Semyon An-sky between Stanford University, Ca, USA and «Petersburg Judaica» (EU St. Petersburg): Analysis of the policy of scientific cooperation and social practice of translation

- of American scientific products) // Russkij sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii: 300 let Rossiyskoj Imperii. Vol. 30. Moscow: Modest Kolerov, 2021. 904 s.
10. *Katsis L.* Iz materialov k bibliografii i tvorchestvu Semiona An-skogo: 1. Oчерk ob Agvane Dorzhieve kak istoricheskij i istoriograficheskij istochnik biografii An-skogo i Dorzhieva (From materials on the biography and work of Semyon An-sky: 1. Essay on Agvan Dorzhiev as a historical and historiographical source of biographies of An-sky and Dorzhiev) // Russkij sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii: 300 let Rossiyskoj Imperii. Vol. 32. Moscow: Modest Kolerov, 2022. 656 s.
 11. *Katsis L.* «Russkaya vesna» Vladimira Zhabotinskogo: atribuciya, bibliografiya, avtobiografiya («Russian Spring» by Vladimir Zhabotinsky: Attribution, bibliography, autobiography). Moscow: RGGU, 2019. 826 s.
 12. *Katsis L.* Vladimir Mayakovskiy i rusko-evrejskij N'yu-Iork (Vladimir Mayakovsky and Russian-Jewish New York) // Mayakovskiy prodolzhaetsya. Sbornik nauchnykh statej i publikacij arkhivnykh materialov (K 115-letiyu so dnya rozhdeniya poeta i 70-letiyu Gosudarstvennogo muzeya V.V. Mayakovskogo). Iss. 2. Moscow: Gos. Muzej V.V. Mayakovskogo, 2009. S. 51–70.
 13. *Katz Sh.* Odinskij volk. Zhizn' Zhabotinskogo (Lone Wolf: A Biography of Vladimir (Ze'ev) Jabotinsky (in 2 books)). Jerusalem: Ivruv, 2000.
 14. *Kan G.S.* «Grozya bedoj prestupnoj sile... Letuchij boevoj otryad Severnoj oblasti (1906–1908)» («Threatening trouble with the criminal force ... Flying combat detachment of the Northern Region (1906–1908)» (in 2 books)). St. Petersburg: Izd-vo imeni N.I. Novikova, 2021. 1280 s.
 15. *Khazan V.* Pinkhas Ruthenberg. Ot terrorista k sionistu. Opyt identifikacii cheloveka, kotoryi delal istoriiu (Pinhas Ruthenberg. From terrorist to Zionist. The experience of identifying the person who made history (in 2 books)). Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury, 2008.
 16. *Letopis' zhizni i tvorchestva M. Gor'kogo v Italii: Kapri (po materialam Arkhiva A.M. Gor'kogo)* (Chronicle of the life and work of M. Gorky in Italy: Capri (Based on the materials of the Archive of A.M. Gorky)). Moscow: IMLI RAN; Leksrus, 2022. 475 s.
 17. *Literaturnoe nasledstvo. T. 106: Epistolyarnoe nasledie Z.N. Gippius. Kn. 2* (Literary heritage. Vol. 106: Epistolary heritage of Z.N. Gippius. Book 2). Moscow: IMLI RAN, 2021. 944 s.
 18. *Morozov K.N.* Boris Savinkov: Opyt nauchnoi bibliografii (Boris Savinkov: Scientific biography experience). Moscow; St. Petersburg: Nestor, 2022. 768 s.

19. Russkoe prisutstvie v Italii v pervoj polovine XX veka: Enciklopediya (Russian presence in Italy in the first half of the 20th century: Encyclopedia). Moscow, ROSSPEN Publ., 2019. 864 s.
20. *Safran G.* Neprikayannaya dusha. Semion An-skiy. Russkij revolucioner, evreiskij etnograf, avtor «Dibuka». Biografiya (Restless soul. Semyon An-sky. Russian revolutionary, Jewish ethnographer, author of «Dibuk». Biography). St. Petersburg: Simpozium, 2020. 600 s.
21. *Savinkov B.V.* Vospominaniya terrorista (Memories of a terrorist). Moscow: Vagrius, 2006. 600 s.
22. *Schechtman J.B.* The Life and Times of Vladimir Jabotinsky. Rebel and Statesman. The Early Years. Silver Spring, MD: Eshel Books, 1986. 467 p.
23. *Spiridonova L.A.* Perepiska M. Gor'kogo i I.P. Rutenberga (Correspondence between M. Gorky and I.P. Ruthenberg) // Vremya Gor'kogo i problemy istorii (Materialy i issledovaniya). Iss. 14. Moscow: IMLI RAN, 2018. S. 12–54.
24. Vladimir Jabotinsky's Story of My Life. Detroit: Wane State University Press, 2016. 176 s.
25. Zhabotinskiy i Rossiya: Sbornik trudov mezhdunarodnoj konferencii «Russian Jabotinsky: Jabotinsky and Russia», posvyaschionnoj 130-letiyu V.E. Zhabotinskogo (Jabotinsky and Russia: Proceedings of the international conference «Russian Jabotinsky: Jabotinsky and Russia», dedicated to the 130th anniversary of V.E. Jabotinsky (Hebrew University of Jerusalem, 2010). Stanford, Ca, 2013.
26. *Zhabotinskiy V.* Evrejskoe gosudarstvo (Razreshenie evrejskogo voprosa) (The Jewish State (Resolution of the Jewish Question)). Tel-Aviv, 1974. URL: <https://www.rjews.net/gazeta/Lib/Jab/gosudarstvo.shtml>

Ключевые слова:

революция, эсеры, масоны, Жаботинский, Рутенберг, Гапон, Савинков, Горький, Коллонтай.

Leonid F. Katsis

TO THE PROBLEM OF RESTORATION OF THE RUSSIAN REVOLUTIONISTS' CONTACTS STRUCTURE

he study focuses on the relationship between Russian revolutionaries and cultural figures, in one way or another associated with the revolutionary movement in Russia of the early 20th c. Using a wide variety of sources, it demonstrates how a number of prominent historical figures, who at first glance had no apparent connection with one another, cooperated and communicated to achieve their political goals. It also traces the link between the revolutionaries themselves, who sometimes did not belong to the same party or political current, thus revealing a rather wide network of famous political and cultural figures who had a significant impact on the internal political situation in Russia before and in-between the two revolutions. Among them were Vladimir Jabotinsky, Pinhas Rutenberg, Maxim Gorky, Leonid Andreyev, Mikhail Osorgin, Dmitry Merezhkovsky, Zinaida Gippius, Boris Savinkov, Alexandra Kollontai, and many others. Many aspects of their interrelationships came to light from the accounts of the murder of the priest Georgy Gapon by the revolutionaries. However, the focus of the paper is to dissect the different nodes of information networks and communication methods established by Russian socialists in the late 19th and early 20th centuries for conspiratorial purposes.

Key words: Revolution, Social revolutionaries, Freemasons, Jabotinsky, Rutenberg, Gapon, Savinkov, Gorky, Kollontai.

Leonid F. Katsis — Dr. Hab. (Philology), Professor, Head of the Educational and Scientific Center of Biblical Studies and Judaica, Head of the Scientific Research Laboratory of Mandelstam Studies of the Russian State University for the Humanities.

Кацис Леонид Фридович (1958–2022)

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теологии иудаизма, библеистики и иудаики РГГУ, заведующий Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ИФИ РГГУ